

CLUB

«КЛУБ САМОУБИЙЦ»

Документы из Коллекции Сергея Н. Палеолога Гуверского Архива войны, революции и мира Стэнфордского университета США позволяют по-новому взглянуть на положение русских молодых эмигрантов в Югославии после окончания Гражданской войны в России. Не только обычная для беженцев во всех странах ностальгия и тяготы адаптации в инокультурной среде, но и потеря смысла собственной жизни привела вчерашних молодых участников антибольшевистской борьбы к созданию нелегальной организации с многозначным названием «Клуб самоубийц».

Историк при работе в архивах всегда должен быть готов к сюрпризам. Сколько бы ни было собрано документов по теме, всегда может оказаться, что обнаружится документ, ставящий под сомнение окончательность тех выводов, к которым пришел в процессе долгой работы. Занимаясь уже около четверти века изучением истории Российского Зарубежья, я был склонен считать, что россияне, вырвавшиеся из-под тирании Совдепии в 1920-е годы, попали чуть ли не в идеальные условия «демократических стран». После тяжелых испытаний в период Гражданской войны в России и на фоне тягот на территории победившей «диктатуры пролетариата» их невзгоды беженской жизни отступили. Во всяком случае, им не угрожал массовый голод, который охватил Поволжье и Украину, их не лишили свободы передвижения, они могли вольно высказывать свои взгляды, а главное, они не подверглись «красному террору».

Безусловно, каждая человеческая судьба уникальна. Мы знаем немало примеров вольготного существования отдельных индивидов, особенно из числа знаменитостей, как в Советской России, так и в «белой эмиграции». В опубликованных и неопубликованных документах личного происхождения приводятся рассказы о перипетиях жизни достаточно известных людей, их личные размышления о происходящих событиях. Гораздо меньше нам известно о беженской жизни «рядовых» эмигрантов.

Одна из папок в Коллекции Сергея Н. Палеолога Архива Гуверского института войны, революции и мира Стэнфордского университета (**Paleologue S.N. Box 11. Folder 25**) содержит своеобразные документы именно о жизни таких “рядовых” россиян из

числа преподавателей и учащихся одного из трех кадетских¹ корпусов, Крымского, в Королевстве сербов, хорватов и словенцев. Коллекция Палеолога довольно большая (36 боксов), но не очень интересная. В основном идут однотипные канцелярские документы: официальные бумаги, бухгалтерские отчеты, переписка по поводу нищенского положения большинства русских беженцев. Это естественно, С.Н. Палеолог в 1920-е годы занимал должность Правительственного Уполномоченного по устройству русских беженцев в Королевстве сербов, хорватов и словенцев (будущей Югославии). В воспоминаниях С.Н. Палеолога содержится информация о том, что его деятельность на данном посту вызывала резко негативную реакцию со стороны общественности разных политических взглядов своим крайним консерватизмом и чрезмерным бюрократизмом:

«Очевидно, благодаря тому, что в эмиграции я стоял около беженской власти, – писал Палеолог, – наша левая пресса за рубежом и большевистская в СССР всегда оказывала мне и моей деятельности нарочитое внимание. Это обстоятельство дало мне возможность до некоторой степени познать самого себя... По сообщению этих газет оказывается, что за последние 8 лет я 14 раз был уволен от должности, которую занимаю и теперь; 9 раз производились строжайшие расследования о моих злоупотреблениях по службе; 7 раз были обнаружены крупные растраты и хищения доверенных мне казенных денег; 5 раз ожидалось скандальные судебные процессы с разоблачением всей моей вредной работы в эмиграции. Несколько раз появлялись в газетах большие статьи с сенсационным заголовком: «Конец Палеолога», в коих категорически заявлялось, что в ближайшие дни, в связи с обнаруженными моими преступными деяниями, я буду выслан из пределов гостеприимного Королевства Сербов, Хорватов и Словенцев...»².

Подобная характеристика деятельности С.Н. Палеолога позволяет представить этого чиновника и ту безупречную бюрократическую тщательность в делопроизводстве его подчиненных.

¹ **Кадет (Cadet)** – во Франции так назывались молодые дворяне в военной службе до производства их в офицеры. В России это слово впервые появилось в указе 29 июля 1731 года об учреждении «корпуса кадет из 200 шляхетских детей». С тех пор в дореволюционной России и в эмиграции кадетом (кадетами) называли воспитанников кадетских корпусов, то есть средних военных учебных заведений, готовящих к военной карьере.

² **Палеолог С.Н.** *Около власти: очерк пережитого.* Белград, 1929. с.192-193.

И вдруг среди этой горы канцелярских банальностей обнаруживается папка с документами с выбивающимся из привычного ряда названием: «**Клуб самоубийц**». При дальнейшем прочтении документов коллекции С.Н.Палеолога оказалось, что за этим документом тянется целый шлейф архивных материалов так или иначе касающихся «Клуба самоубийц». В последствии каждый документ будет назван особо и проанализирован. Но уже сейчас хочется обратить внимание на то, что в имеющейся обширной литературе жизнь русской эмиграции в КСХС обычно рисуется в радужных тонах (нет отчуждения от родственного по религии и славянским корням местного населения, налажена научная жизнь, работают университеты для беженцев, легко найти работу), особенно на фоне положения русской диаспоры в Польше или Финляндии. Так, на Русском педагогическом съезде в Праге в апреле 1923 года Королевство СХС было названо «*государством, щедро идущим навстречу русской эмиграции.... Уже в первый год пребывания русских беженцев, то есть к 1 марта 1921 года, оно отпускало на дело русского образования 500000 динар, а к 1 марта 1923 года бюджет на это дело возрос до 2,5 миллионов динар*»³. Наверное, в тех условиях это была одна из самых гостеприимных стран для «белой эмиграции», хотя чрезвычайные обстоятельства беженского существования создавали немало проблем для руководства и рядовых жителей этой страны. Возможно, поэтому русским беженцам запрещалось изменение места жительства, даже в пределах крупных населенных пунктов.

Белград был вторым по численности центром русской эмиграции после Парижа. В Югославии были сосредоточены главным образом эмигранты из военного и служилого класса. Такой состав эмиграции, конечно, наложил отпечаток на характер ее политической мысли и деятельности. Хотя в Белграде не было центров русских политических организаций, тем не менее, вся эмигрантская масса, соединившаяся в многочисленные общества, профессиональные союзы и организации взаимопомощи, по своему политическому настроению была весьма однообразна и могла быть подведена к программам националистов и октябристов дореволюционной России. В одном из интервью С.Н. Палеолог предложил «*провести существенное разграничение между двумя беженскими волнами, которые разбросали за границу остатки антибольшевистской России. Первая относится к 1917 году. Она вынесла за границу сторонников Керенского и добольшевистской революции, которые получили возможность спасти свою*

³ Русь (София). 1923, 18 апреля (177).

ставку, и поселились в гостиницах Парижа и Ниццы, где не перестают «делать большую политику», обеспеченные от нищеты и несчастий. Вторая состоялась в 1920 году. Она привела в Югославию людей, у которых не оставалось ничего другого, кроме той одежды, которую они носили на себе, и к которым вскоре присоединились беженцы из Крыма, еще более несчастные: эти испили чашу до дна»⁴. Эмигрантская масса, за небольшим исключением, была настроена монархически и относилась негативно к соглашательской работе русских политических организаций Парижа и других центров Российского Зарубежья⁵. Данные политические настроения всячески поддерживало руководство большинства эмигрантских организаций, вплоть до оказания материального воздействия на беженцев.

А материальное положение русских эмигрантов было чрезвычайно тяжелым. В данной архивной коллекции сохранились сотни документов с мольбами о помощи, всевозможные канцелярские свидетельства о тяготах беженской жизни. Так в письмах писателя Г.В. Алексеева⁶, по договоренности с С.Н. Палелогом совершившего «инспекторскую поездку по местам расселения русских беженцев в КСХС», мы неоднократно находим рассказы о трудностях существования русских эмигрантов⁷. Почти все русские в Югославии, ибо «устроиться удалось только специалистам», были поставлены в финансовую зависимость от так называемых «разменов». Суть их состояла в обмене различных русских денег (начиная от царских и заканчивая казначейскими билетами всевозможных временных режимов на территории бывшей Российской империи периода Гражданской войны) на юго-

⁴ **Journal des Débats.** 19 Mars 1921. # 77.

⁵ **Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Stanford University: Fon-Lampe, A.A. Box 10.**

Русская эмиграция за границей и ее политическая деятельность.

⁶ **Алексеев Глеб Васильевич (1892 – 1938)** – русский писатель. В начале 1920-х годов жил в эмиграции. В 1923 году вернулся в СССР. В рассказах (сборник «Живая тупь», 1922), повести «Мертвый бег» (1923) отражено осмысление страшного опыта русских революций и Гражданской войны. Сатирические картины советской действительности в повестях («Жилой дол», 1926, «Шуба», 1928) и романах («Тень стоящего впереди», 1928). В 1933 году завершает большой роман об индустриализации в СССР «Роза ветров». В 1938 году покончил жизнь самоубийством.

⁷ **Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Stanford University: Paleologue, S.N. Box 18.**

славские динары. Так как послевоенная экономика самого молодого Королевства испытывала серьезные трудности, то было решено, что обмен будет производиться не одновременно, а по спискам беженских организаций постепенно, в размере 400 динар на человека в месяц. Этим Югославия «...дала возможность русским беженцам не только сводить концы с концами, но и пустить глубокие корни»⁸. В одном из писем-отчетов все тот же писатель Г.В. Алексеев упоминает: «летом я, например, из размена ухитрился сшить себе брюки». Как и всегда в подобных случаях, бюрократическая регламентация денежных вопросов привела к массе злоупотреблений. В документах архивной коллекции Палеолога содержится немало удручающей переписки по этому поводу, показывающей всевозможные «хитрости», на которые шли многие авантюристы из числа русских беженцев для улучшения материального положения. Так, русский консул в Дубровнике собрал списки для обмена, состоящие из «мертвых душ», а затем с полученными обманым путем деньгами скрылся. Один из действительных статских советников через подставных лиц смог получить обмен дважды на свою семью, выдав во второй раз ее за семью своего брата, пропавшего в годы Гражданской войны в России. Подобные явления писатель Г.В.Алексеев называет «уродствами беженской жизни»⁹.

Обращает на себя внимание то, что данный писатель определяет как «вулканически враждебные настроения», то есть постоянные вулканы конфликтов, в русских колониях, а также «подозрительность», «измельчание духовных интересов», «хулиганство среди эмигрантов», «жизнь за счет слухов». Поражение в Гражданской войне, крах веры в победу белого дела, осознание бесперспективности дальнейшей борьбы с большевиками, потеря цели в жизни приводили к необходимости найти виновного в данной ситуации. Именно взаимная враждебность, поиски внутреннего (или, используя терминологию Сталина, «ближнего») врага создавали многие трудности, резко обостряли конфликты, формировали условия для того, что, по мнению Петра Алексеева, есть «большевизм наоборот». На мой взгляд, мы имеем дело с манихейским сознанием¹⁰, когда самым главным считается не

⁸ **Общее дело.** 1921, 6 марта.(№ 234).

⁹ **Глеб Алексеев.** *Путевые заметки литератора. (Подготовка к печати, вступительная статья и комментарии А.В. Квакина)* // Новый журнал. Нью-Йорк, 2000. Кн. 219. С.125 –153.

¹⁰ **Квакин А.В.** *Россия познает Русское Зарубежье* // Новый журнал. Нью-Йорк, 1998. Кн. 211. С.155 –172.

сплотиться для достижения определенной цели и выполнения конструктивной программы, а найти «врага» и списать на него все неудачи. Публикуемые документы из Гуверского архива показывают, что традиционные пороки российского общества и его бюрократии были перенесены в Российское Зарубежье.

Документы, связанные с «Клубом самоубийц», хотя и собраны в одной папке одного бокса Коллекции Сергея Н. Палеолога, (**Paleologue S.N. Box 11. Folder 25**) не представляют из себя нечто цельное. Здесь собраны многообразные письменные свидетельства различного характера (от личных писем до военных рапортов). При изучении всего массива документов мною зафиксировано 29 событий, имеющих отношение к делу. Хронология этих событий в материалах дела (с 29 декабря 1920 года по 27 августа 1923 года) постоянно нарушается с целью доказательства противоположных выводов. Для упрощения понимания происшедших событий архивный материал подобран не по традиционному последовательно-хронологическому принципу, а в соответствии с логикой развития событий.

Значителен круг лиц, чьи имена упоминаются в документах (по моим подсчетам их 32 человека). К сожалению, мне удалось найти очень скупые биографические сведения о действующих лицах публикуемого архивного материала. Эти сведения приведены в сносках и комментариях.

Старая орфография заменена на современную. Стиль и грамматическое написание документов полностью сохранены, за исключением явных ошибок и оговорок.

Отправной датой, после которой начинает разворачиваться панорама событий стала неожиданная смерть 29 декабря 1920 года воспитанника только что эвакуированного из Крыма Крымского кадетского корпуса Василевича. В разных документах это событие трактуется по-разному. В письме одного из воспитателей корпуса, а одновременно редактора и издателя журнала «Русский Терем» Бориса Смирнова от 16 мая 1921 г. на имя профессора В.Д.Плетнева об этом сказано так:

[...] 29 декабря 1920 г. был убит на повал кадет Василевич своим товарищем. По этому поводу в своих показаниях я писал: «я уверен, что сказанная мною правда прямо в глаза директору корпуса, генералу Римскому-Корсакову, в день смерти кадета Струменко, теперь уже избавит кадетский корпус и от таких печальных случаев, когда малыши убивают наповал своего товарища-малыша». [...]

Российский Военный Агент в Королевстве сербов, хорватов и словенцев генерал-майор Дмитрий Николаевич Потоцкий в письме от 22 мая 1921 года на имя Российского Посланника в Королевстве СХС С.Н.Палеолога категорически не согласен с подобной трактовкой событий в Крымском кадетском корпусе:

[...] В частности относительно указываемых Смирновым прискорбных случаев смерти кадет в Крымском корпусе, надлежит прежде всего возразить против указаний его на «убийство» кадеты Василевича. В действительности никакого убийства, т.[о] е.[сть] умышленного лишения жизни совершенно не было. Имел место лишь несчастный случай неумелого обращения одного из кадет с револьвером, последствием чего было неосторожное причинение смерти Василевичу. Произошло это событие 29 декабря 1920 года вскоре по прибытии корпуса в Стрнице¹¹. Несмотря на строгое приказание Директора корпуса, подтвержденное комендантом, сдать всем кадетам всякое оружие, если таковое у кого-либо имелось, револьвер был, очевидно, скрыт вне барака, вследствие чего и кратковременности пребывания корпуса на новом месте необнаружение педагогическим персоналом этого револьвера не может быть поставлено ему в вину. [...]

Надо сразу же обратить внимание не только на различия в описании смерти кадеты Василевича (в первом случае – это убийство, во втором – «несчастный случай» через, как сказано бюрократическим языком, «неосторожное причинение смерти»), но и на то, что в первом документе видна озабоченность за жизнь «малышей-кадетов», а во втором заметно стремление снять ответственность за эту смерть с педагогического персонала кадетского корпуса.

Возможно, что данное событие и прошло бы незамеченным, но на следующий день, 30 декабря 1920 года в Крымском кадетском корпусе зафиксирована новая смерть воспитанника – Алексея Альфтона. В уже упомянутом письме на имя Российского Посланника в Королевстве СХС С.Н. Палеолога от 22 мая 1921 года Российский Военный Агент в Королевстве Сербов, Хорватов и Словенцев генерал-майор Дмитрий Николаевич Потоцкий указывает:

¹¹ **Стрнице** – город на северо-востоке тогдашней Югославии, рядом с городом Марибор (современный северо-восток Словении), недалеко от границы с Австрией и Венгрией.

[...] Кадет Альфтон скончался от менингита, вне всякой зависимости от какого-либо недосмотра со стороны администрации и врачей корпуса. [...]

И здесь автор другого документа – редактор и издатель журнала «Русский Терем» Борис Смирнов в письме от 16 мая 1921 г. на имя профессора В.Д. Плетнева выдвигает иную трактовку событий:

30 декабря 1920 г. умирает другой кадет – Алексей Альфтон; говорят умер от менингита, но у меня лично вертится вопрос «*А может быть от той обстановки, в которой он находился?*». Об этом я писал [директору Крымского кадетского корпуса в 1920-1924 годах, генерал-лейтенанту Владимиру Валерьяновичу Римскому-Корсакову – **А.К.**]: «*Я уверен, что кадеты будут так обставлены, что не повторятся случаи смерти от менингитов*».

Позже Б.Н.Смирнов, обращаясь в Государственную Комиссию о русских беженцах в Королевстве СХС 25 августа 1921 года писал:

[...] Я видел, как одна бóльшая часть педагогов и воспитателей болела душой, другая же, возглавляемая самим Директором корпуса, принимала участие в безобразиях. Некоторые из педагогов и воспитателей говорили мне, что они ничего не могут сделать, так как Директор корпуса своими поощрениями всему творческому и своими распоряжениями аннулирует все их действия. В частных беседах я лично говорил об этих безобразиях Директору корпуса, но он меня прерывал, заявляя мне, что «ничего..., все устроится».

Наконец приезжает генерал Данилов якобы для инспекции корпуса. Мне стало известно, что будут собраны все педагоги для собеседования. Я решил на этом собеседовании высказаться откровенно, указав на необходимость изменения в самом корне режима в корпусе. Но за несколько часов до собеседования встречает меня, полковника Ракитина и Якушева генерал Римский-Корсаков и заявляет нам, что если только будет скверно охарактеризована жизнь в корпусе, [командование] не утвердит штаты корпуса и корпус останется [на положении], как прочие беженцы в лагере Strnišće, и если на этом собеседовании будут выступления, то это сильно повредит корпусу, а не улучшит [его жизнь]. И здесь же он полушутя сказал, что «не забывайте, что молчание – золото».

Расставшись с Директором, я заявил Якушеву, [что] для блага корпуса я должен молчать, но с 1 февраля я уйду совсем из корпуса, чтобы не быть соучастником...

Якушев заявил, что и он уйдет... 29 января сначала я, а затем Якушев подали рапорты об освобождении нас от преподавательских обязанностей и с 1 февраля мы уже не считались на службе в корпусе.

Г. Якушев рекомендовал мне написать Директору письмо, изложив причины ухода из корпуса, уверяя меня, что он собирается написать Директору резкое письмо.

Я обдумывал планы своих действий по борьбе с режимом в корпусе...[...]

После того, Б.Н. Смирнов решил уйти из педагогического состава Крымского корпуса, происходят новые драматические события. В том же письме он далее писал:

[...] 7 февраля в лазарете корпуса скончался кадет Кесарь Струменко. Будучи в крайне возбужденном состоянии, и встретив Директора в Комендантском Управлении, заявил ему, что это «очередная жертва его режима», что совесть его не чиста по отношению к русскому юношеству, которое он толкает в пропасть.

Это положило начало моей борьбы!

От меня было потребовано генералом Рыковским [Генерал И.И. Рыковский – Председатель местной русской колонии, производивший дознание по делу о смерти кадета Струменко – **А.К.**] показание, которое я и предъявил 8 февраля за № 1398.

Так как эти показания носили характер разоблачения режима в Крымском кадетском корпусе, составлять таковые помогал мне г. Якушев, нередко диктуя мне целые фразы, разоблачающие жизнь корпуса. [...]

Из письма в Государственную Комиссию о русских беженцах в Королевстве СХС 25 августа 1921 года Б.Н.Смирнова мы узнаем следующее:

[...] 18-го февраля, после смерти кадета Струменко, быв[шего] помощника секретаря [редакции журнала] «Русского Терема», я представил свои показания на имя производящего дознание генерала И.И. Рыковского (от 18 февраля с.г. № 1198), в которых я откровенно заявлял о тех беспорядках, кои творились в Крымском кадетском корпусе и которые, по моим убеждениям, ведут к полному разложению и гибели русское юношество.

20-го февраля, эти мои показания, до окончания следствия, без моего согласия, попав незаконно в руки генерала В.В. Римского-Корсакова, были оглашены в собрании чинов Крымского кадетского корпуса. Председательствовал в этом собрании полковник Маслов, инспектор классов корпуса. Здесь эти мои показания были подвергнуты всесторонней критике. В этом же собрании некоторыми чинами корпуса поднимались вопросы о выселении меня из лагеря и о бойкотировании меня, но благоразумие многих эти вопросы провалило. На другой же день, действительно, небольшая группа чинов корпуса, в числе не более 8-9 человек (именно те, кого главным образом касались мои показания) не отвечали на мои приветствия. Я заявляю, что если бы тогда было правильно произведено следствие по моим показаниям и «по горячим следам» – все эти 8 – 9 человек должны были бы предстать пред судом, и я убежден, что суд не оставил бы их без должного возмездия. Судьба их тесно связана с судьбой их начальства.

Многие же из остальных педагогов и воспитателей, после этих моих показаний, проявили ко мне особое внимание, приветствовали меня за правдивое слово; некоторые свои добрые отношения ко мне и критическое к существующему режиму в корпусе не скрывали на собраниях чинов корпуса.

Другая же небольшая кучка сплоченных генералом Римским Корсаковым людей действительно не подает мне руки, ибо моя рука, после того, как и окончательно убедился в их преступном отношении к доверенному им русскому юношеству, пока они не ответят на мои обвинения, не может быть протянута к ним. [...]

В дальнейшем, уже в письме Б. Смирнова профессору В.Д.Плетневу 16 мая 1921 года упоминается о том, что расследование причин смерти кадета Кесаря Струменко

«...по моей и его [Струменко – **А.К.**] матери просьбе было прекращено: о подробности сего дела я здесь избегаю говорить».

В уже упомянутом письме от 22 мая 1921 года Российский Военный Агент в Королевстве сербов, хорватов и словенцев генерал-майор Дмитрий Николаевич Потоцкий на имя Российского Посланника в Королевстве СХС С.Н.Палеолога высказывал иную точку зрения:

[...] ...Смерть кадета Струменко, страдавшего туберкулезом легких и кишечника, осложнившимся мозговым процессом, ни-

коим образом не может свидетельствовать о каких бы то ни было беспорядках в корпусе...

Остановившись на обсуждении сообщений Б.Н. Смирнова, следует отметить доклад по сему предмету шт[абс].-офицера Крымского корпуса полковника Петрова, объясняющий страстность нападок Смирнова, который, как оказывается, благодаря любезному участию к нему Директора Крымского корпуса, эвакуировался из Ялты вместе с корпусом и тесно соприкасался с ним до февраля с.г., когда позволил себе в лице нескольких человек оскорбить всю корпорацию корпуса, после чего ему не стали подавать руки. [...]

Таким образом, в коллективе Крымского кадетского корпуса произошел раскол на «наших» и «чужих». С одной стороны, выступала группа, близкая к директору Корпуса генералу В.В. Римскому-Корсакову. Они стремились сгладить смерти юношей, оправдать их случайными обстоятельствами, не зависящими от руководства Корпуса. С другой стороны, мы видим сторонников Б.Н. Смирнова, осознавшего угрозу для русского юношества порядков в Корпусе, и пытающегося исправить ситуацию. Директор корпуса, определив Смирнова, как «чужого», подчеркивает, что он лишь «эвакуировался из Ялты вместе с Корпусом», а «настоящие преподаватели» теперь перестали «подавать ему руки». А тем временем Б.Н. Смирнов в своем обращении «Спасите 600 русских юношей» и в письмах к В.Д. Плетневу указывает на ряд новых случаев в жизни Крымского корпуса, которые «могут быть подтверждены свидетелями»:

[...] 23 апреля 1921 г. кадет Беляков покончил жизнь самоубийством, бросившись под поезд;

5 мая 1921 г. кадет Илляевич покончил жизнь самоубийством выстрелом из револьвера в голову;

покушение на самоубийство 3-х кадет, неудавшееся вследствие своевременной остановки поезда.[...]

В письме профессору В.Д. Плетневу от 16 мая 1921 года Б.Н. Смирнов писал:

[...] В связи с последними событиями в корпусе раскрывается какая то организация, которую шепотом именуют «Клуб самоубийц»...[...]

После этого в переписке постоянно упоминается эта таинственная организация – «Клуб самоубийц», «возникновение которой администрация корпуса в свое время проглядела». Можно предположить, что название и смысл этой организации были заимствованы из произведения английского писателя Стивенсона, который был очень популярен среди российского юношества в начале XX века.

Дирекция Крымского кадетского корпуса пытается замять случившееся. Так Российский военный агент Д.Н. Потоцкий в письме Российскому Посланнику 22 мая 1921 года отмечал, что

[...] Случай остановки поезда был вызван вовсе не покушением кадет на самоубийство; как выяснено расследованием, поезд был остановлен вследствие того, что на полотне играли дети одного корпусного вахмистра.[...]

Данный случай взволновал эмигрантскую общественность. Общее собрание представителей общественных организаций – группа общественных и политических деятелей, Союз восстановления Родины, Союз городов, Общество ревнителей военных знаний, Общество офицеров Генерального Штаба, члены Правления общества русских ученых, Комитет «Казачья Помощь», Обще-Казачья группа, Союз Инженеров, Общество Взаимопомощи – на заседании 19 мая 1921 года заслушали доклад Уполномоченного Комитета «Казачья Помощь» Н.М. Мельникова о состоянии кадетских корпусов.

[...] Н.М. Мельников сообщил о случаях самоубийства кадет Белякова и Ильяевича, имевших место в Крымском корпусе 23 апреля и 5 сего мая, о приготовлении к самоубийству двух других кадет, писавших предсмертные записки в то время, когда Ильяевич стрелялся, о случае, когда несколько кадет Крымского корпуса легли на рельсы, когда подходил уже поезд – случае, который в Стрнице объяснили проявлением простого хулиганства, – желанием заставить остановить поезд, но представляющемся теперь в другом свете на фоне уже умевших место самоубийств и при разговорах о «Клубе самоубийц», ставящих жизнь свою на карту в игре [в карты] «21» (на связь с игрой указывает и содержание оставленной Ильяевичем записки: «Кладу на всё с прибором»).[...]

Тут же встал вопрос о том, почему русские юноши, прошедшие все невзгоды Гражданской войны в России, некоторые из

которых – участники этой войны, в беженстве утратили смысл жизни, решили умереть в самом ее расцвете. Объясняя причины самоубийства кадет, генерал-майор Д.Н. Потоцкий в рапорте Правительственному Уполномоченному по устройству русских беженцев в Королевстве указывал:

[...] В связи с имевшими место печальными двумя случаями самоубийства в Крымском Кадетском Корпусе и предполагавшимся докладом Н.М. Мельникова по поводу неустройства в лагере «Стрнице», по Вашему предложению я посетил лагерное расположение Корпусов в Стрнице 20-го и 21-го сего мая.

Не останавливаясь на описании условий, предшествовавших прибытию кадет в Сербию, считаю своим долгом довести до Вашего сведения, что главные причины, которые, вероятно, побудили к самовольному лишению жизни были: нервность, вызванная пережитыми событиями, выразившаяся в подчинении более слабых волей – более сильным, безнадежность изменения тяжелых условий, тоска по Родине и по оставленным в России родным. [...]

Позже, 4 июня 1921 года в письме Российскому посланнику в Королевстве СХС Д.Н. Потоцкий повторил свои суждения о причинах самоубийств:

[...] Два случая самоубийства кадет действительно имели место. Вероятными их причинами являются: повышенная нервность, вызванная пережитыми событиями, тоска по родине и оставленным в России родным и подчинение слабым воле более сильных. Самоубийства эти несомненно представляли собою очень опасное явление, которое в юной, неуравновешенной среде кадетов, перенесших к тому же тяжелые испытания эвакуации, легко перейти в психическую заразу и вызвать эпидемию самоубийств. Но благодаря своевременно принятым административным персоналом корпуса мерам, этого не случилось. Было произведено тщательное расследование, некоторые более нервные, впечатлительные юноши были выделены и отправлены в санаторию. Жизнь постепенно была введена в нормальные рамки кадетского режима. Благоприятные климатические условия лета и осени дают надежду на укрепление нервов и духа кадет. [...]

Из текста заметно рапорта стремление сгладить вину администрации в случившемся. Повторяется версия о том, что произошло только два случая самоубийства, хотя и упоминается

«эпидемия самоубийств». Трудно поверить в то, что кадеты, прошедшие через ужасы Гражданской войны, стали бы так радикально реагировать на последствия эвакуации. В выписке из рапорта командира 1-й роты Крымского кадетского корпуса полковника Петрова от 11 мая 1921 года на имя директора Корпуса говорится:

[...] Истинную причину самоубийства нужно искать значительно глубже; она кроется в безысходной тоске по Родине, в полной разобщенности от своих близких, беспокойство за их жизнь, которая зависит от какого-нибудь негодяя-комиссара и сознания полной их незащитности. К этому примешивается и наше нищенское и также полу бесправное положение, когда мы не знаем – будем ли сыты завтра, когда нами распоряжаются все, кому и как вздумается, когда юношество не знает, что их ожидает в недалеком будущем и главное, к чему готовить себя; удручающие условия барачной жизни, лишённые самого элементарного комфорта и т.п.

Нужно было видеть оживление на лицах кадет в дни Кронштадтских выступлений, когда газеты приносили все новые и новые сведения о повсеместных восстаниях против советской власти. Являлась надежда на близкое возвращение и в те моменты лишения уже не замечались и всё ликовало. Разгром восставших понизил настроение. Возвращение на родину откладывалось на неопределенное время и явилось опасение, что придется провести на чужбине не один год. Уныние охватило очень многих и усугублялось дождливой погодой. При таком душевном состоянии, естественно придет в голову мысль, о бесцельности существования, чем очень легко и своевременно воспользовались злые люди, преподнеся интересный, по своей таинственности «Клуб самоубийц». Некоторые ухватились за это, не подозревая, что за ним может быть скрыт «большевизм».

То есть, вместо серьезного анализа случившегося, разбора происшедшего в педагогическом коллективе последовала отписка, списывавшая причину самоубийства кадет на «происки большевизма». Однако обращают на себя внимание слова о безнадежности веры кадет в победу их идеалов. Выдающийся философ и психолог Виктор Франкл подчеркивал, что человек сможет пережить любые «как?», если знает «зачем?»¹². Сложившаяся обстановка поражения белых сил, торжество красных в России не ос-

¹² Франкл В. Человек в поисках смысла. М., 1990. С. 150.

тавляло надежды на нормальную жизнь на Родине. Это понял непосредственный воспитатель кадет – командир 1-ой роты. В том же рапорте далее указывается:

[...] Если ротный комитет не ошибается в истинных причинах душевного недомогания кадет, то лекарством против этого может служить – отыскание ближайшей цели к каковой они должны стремиться, т.е. внушить им, что по окончании курса корпуса, они перейдут в военное и техническое училище при Корпусе же. Это придаст им бодрость и привлечет к занятиям. Кроме того, нужно заполнить их свободное время устройством развлечений, понимая это в самом широком смысле этого слова. Комитет полагает, что бесполезно пояснить кадетам, что «Клуб [самоубийц]» – большевистская организация, а кроме того, необходимо поддерживать здоровых, благонамеренных кадет, работающих к оздоровлению меланхоликов. Возвращение изолированных кадет должно быть не ранее полного исцеления оставшихся здесь и, во всяком случае, кадет: ШОКАТОВА, СТАРКА, ЛЬВОВА, ГРИГОРОПУЛО не следовало бы принимать обратно в Корпус.[...]

А пока дело о «Клубе самоубийц», по мнению автора рапорта, надо замять, ибо уже приняты меры по недопущению возобновлению деятельности «Клуба», который предлагается признать не существовавшим:

[...] Благодаря принятым мерам: 1) Директором Корпуса – изолирование для общего успокоения кадет, подозреваемых в причастности к «Клубу», если таковой существует; 2) Арест подозреваемого председателя «Клуба» ХОЦЯНОВА; 3) Беседа Директора Корпуса, командира роты и офицеров воспитателей; 4) Помощь душевно здоровых кадет; 5) устройство развлечений и, в частности, очень оживленной вечеринки, в организации которой принимали участие почти все кадеты первой роты; 6) перемена погоды – оказали влияние на настроение кадет и общее подавленное состояние, за исключением 1 – 3 кадет, изменилось, дойдя до удовлетворительного... [...]

Но, составленный для снятия ответственности с администрации Корпуса рапорт, не говорил о том, что именно в это время продолжается ухудшение нравственной обстановки в корпусе. Так, например, в дни проведения проверок по «Клубу самоубийц», 12 – 13 мая был зафиксирован случай избивания больных

кадет в лазарете Корпуса. Это вызвало реакцию не только эмигрантской общественности, проживавшей в непосредственной близости к Крымскому корпусу, но по линии Русского Красного Креста достигло даже Великобритании¹³. 19 мая профессора В. Зеньковский, Ф. Тарановский, В. Плетнев и Н. Мельников написали большое письмо Российскому посланнику в Королевстве СХС, где, в частности, указывали

[...] ...на заброшенность кадет Крымского корпуса, на отсутствие воспитания, недостаточность наблюдения за ними, следствием чего явилось отмораживание конечностей зимой при выходе на улицу и серьезные ожоги носа, глаз (кадет 5 роты Флейшер) при топке печей, на сильное развитие воровства (кражи у товарищей, у местных словенцев – записи дежурных, приказы Директора Корпуса за №№ 20 и 21), на пьянство и распущенность, на сильный, уродливый «цук»¹⁴ (случай с кадетом Гредескулом, доведенным до обморока и др.).

...Положение, очевидно, настолько серьезно, душевное состояние воспитанников настолько тяжело, что сам Директор Крымского корпуса нашел необходимым обратиться к Уполномоченному Красного Креста г. Евреинову с просьбой поместить несколько кадет в санаторию как людей нервнобольных; несколько кадет увезено Директором Корпуса из Стрница.[...]

Пока эмигрантская общественность бьет тревогу по поводу судьбы русского юношества, должностные лица разных уровней пытаются заглушить скандал. По словам Бориса Смирнова, прибывший в Корпус ревизор

[...] ...не произвел там подробную ревизию..., а ограничился парадным обедом и другими удовольствиями, устроенными ему Директором корпуса. [...]

В результате чудовищные порядки в корпусе сохранились, лица, «вынесшие сор из избы» были изгнаны из числа сотрудни-

¹³ **The Morning Post.** 1921, 30 March.

¹⁴ **Цук** – резкое понукание, категоричное принуждение к выполнению каких-либо действий. Подробнее об этой традиционной для русских кадетских корпусов и других военных учебных заведений России форме унижения младших старшими, соответствующей современной «дедовщине» в российской армии, можно прочитать в книге: **Юрий Галич Звериада: Записки Черкесова.** Рига, 1931.

ков корпуса. Но эмигрантская общественность продолжала высказывать беспокойство. Так, на заседании «Совета по делам русских учебных заведений, содержимых на средства Державной Комиссии в Королевстве СХС» слушался вопрос о переводе в следующий класс кадетов, «которые принимали участие в недозволенной организации (так назыв[аемых] «цукистов». По сути дела слушался вопрос о членах «Клуба самоубийц». Но так как участники заседания не располагали полной информацией, а обсуждали лишь официальные деловые бумаги, присланные из Крымского корпуса за подписью его директора, то они были вынуждены указать на «непоследовательность» при вынесении решения «на меры взыскания за участие в названной недозволенной организации». Совет по делам русских учебных заведений разделился в вынесении окончательного решения. Одни члены Совета считали, что провинившиеся должны быть переведены в следующий класс, но «во избежание вредного влияния на массу», должны были быть «размещены раздельно между Корпусами, а не переведены всей сплоченной группой». Другие члены Совета «находили более последовательным всем им предоставить места в VIII классе Загребского русского реального училища, где они могут завершить образование и получить аттестат зрелости, чем Кадетский Корпус был бы освобожден от вредного элемента. Третьи же [члены Совета – А.К.], сочувствуя принципиально, как более последовательной и целесообразной мере, удалению всех – означенных кадет из Корпуса и помещению их в Загребское [русское реальное] училище, однако, не желая подрывать престижа педагогического комитета русского Корпуса с одной стороны, и делая различие между означенными кадетами по их способностям и успешности на занятиях, предложили среднее – компромиссное решение:» часть кадет остается в Корпусе, часть – переводится в Реальное училище. Был принят третий вариант, отменяющий предложение директора Крымского кадетского корпуса.

Кроме того, вопрос о состоянии обучения и воспитания в трех русских кадетских корпусах в Югославии был рассмотрен специальной государственной комиссией Королевства сербов, хорватов и словенцев 7 – 8 сентября 1922 года¹⁵. Было рекомендовано вывести кадетские корпуса из под контроля военных и передать их в попечение Министерству просвещения Югославии.

¹⁵ Извештај о ревизији руских кадетских корпуса који је поднео господину Министру Просвете Министарски изасланик, професор Београдског универзитета Радован Кошутић. Београд, 1922.

Характерно, что документы по «Клубу самоубийц» сохранились только в документах С.Н. Палеолога, но они имеют свое логическое продолжение в документах другой архивной коллекции Гувьерского архива – **Vrangel' collection. Box 114. Folder 114 – 27.** То есть Палеолог скрыл от командования материалы первичного расследования по «Клубу самоубийц», а в материалах Главкомандующего Русской Армией барона П.Н. Врангеля сохранились только отчеты военного прокурора суда русских войск в Королевстве сербов, хорватов и словенцев от 19 мая 1922 года. В документе, в частности, говорится:

[...] Педагогическая, точнее сказать воспитательная часть в корпусе находится в полнейшем упадке, и если корпус еще держится, то только потому, что воспитанники сознают свою полную беспомощность при условии самостоятельной заботы о своей судьбе. Распушенность кадет видна уже из тех крупных массовых проступков, кои приведены в показаниях допрошенных на следствии воспитателей и ротных командиров. Самый характер проступков свидетельствует о том, что педагогическая сторона дела в корпусе стоит весьма низко, если не сказать большего. Воровство, пьянство, продажа казенного имущества, налеты на огороды местных жителей – широко практиковались ранее и повторяются и теперь. Грубость, площадная брань (не только между собою, но и по адресу лиц педагогического персонала), массовые беспорядки («бенефисы») с нанесением ударов воспитателю, систематическое уклонение от уроков и «цук» – явления, наблюдаемые как обычные, причем в этом отношении подобные проявления не обходят и Директора Корпуса (в конце апреля этого года Директору был кадетами старшей роты устроен «бенефис» с произнесением в его присутствии и по его адресу площадной брани).

Перечисленные проступки, имя, конечно, под собой почву того разлагающего влияния, которое принесла революция и гражданская война и оправдываемые до некоторой степени тою обстановкою, в которой живут кадеты, все же не могут быть относимы исключительно за счет этих условий, а коренятся в порядках, установившихся в корпусе кои сейчас вскрыты предварительным следствием. [...]

Однако Директор Крымского кадетского корпуса генерал-лейтенант Владимир Валерьянович Римский-Корсаков рассчитывал на влиятельную поддержку Командующего Русской Армией барона П.Н. Врангеля, а поэтому пытался перехватить инициати-

ву, направив письмо с жалобой на ведение следствия. В качестве оправдания он писал:

На № 3760 В собственные руки
Российскому Военному Агенту в Королевстве СХС.

[...] Крайне недоброжелательное отношение многих кадет к некоторым воспитателям обусловлены их образом действий в период гражданской войны, очень властное и далеко не всегда доброжелательное отношение к корпусу коменданта лагеря подполковника Озаровского, заявившего мне в первые же дни, что он корпуса как отдельной организации не признает и видит в нас группу беженцев, непосредственная близость леса, уходя в который кадеты уходили и из-под надзора воспитателей, крайне нездоровое настроение преимущественно старших кадет – результат перенесенных страданий и лишений, отсутствия сколько-нибудь светлой перспективы, а главное – тоски по родине и родным, тоски доводившей многих юношей до навязчивой идеи о самоубийстве (с некоторыми из таких несчастных мне приходилось беседовать целым часам и по окончании этих разговоров я чувствовал себя совершенно разбитым) – вот в кратких чертах условия жизни корпуса в первое время пребывания в Стрнищенском лагере.[...]

Директор Крымского кадетского корпуса
Генерал-лейтенант Римский-Корсаков

Директор корпуса лукавил, ибо он то хорошо знал не только о «навязчивых идеях о самоубийстве», но и о реальных случаях самоубийств доведенных до отчаяния воспитанников вверенного ему Крымского кадетского корпуса.

Для завершения следствия в Корпус был направлен полковник Сорокин. Его доклад полностью подтверждает основные выводы предыдущего расследования:

9 июля 1922 г.

№ 251.

Гор. Вранье

Его Превосходительству генерал-лейтенанту
Миллеру

Доклад по делу о Крымском кадетском корпусе

[...] В виду исключительных условий, в которых протекало расследование и, главным образом, из за невозможности обеспечить его теми мерами, кои обычно применяются, в расследование не попало много такого, что при обычных условиях дало бы обильный материал для различных конкретных выводов, вслед-

ствии чего некоторые весьма существенные вопросы, в особенности по учебной и хозяйственным частям, или не обрисованы совсем, а лишь только намечены, или же выяснены не с той степенью точности, как это было бы необходимо. Кроме сего, те же общие условия обстановки в значительной, а иногда и в исчерпывающей степени влияли на откровенность свидетелей, что, конечно, нельзя не учитывать при сопоставлении доклада по делу. Так, очень многие свидетели, весьма откровенно и охотно говорившие по делу вообще, при формальном опросе давали свои показания очень осторожно, условно и с выбором выражений, какое обстоятельство объясняется неуверенностью свидетелей в торжестве правды и вытекающими отсюда опасениями за свою судьбу. [...]

Безусловно, что здесь заметно пагубное воздействие на педагогический коллектив характера и результатов следствия по «Клубу самоубийц», когда преподаватели, искренно желавшие изменить обстановку в корпусе, были из него уволены.

[...] чувство человеческого достоинства, утраченное старшими кадетами в общей разлуке гражданской войны, не восстановлено и по настоящее время. Грубость, площадная ругань, крайняя наглость – явление самое обычное [...], а неуважение к личности человека в настоящее время возведено в систему. Так называемый «цук» свил себе прочное гнездо в корпусе и решительно, самым отрицательным образом, влияет на успех педагогической работы, проникая во все классы, вплоть до первого, и выливаясь в такие формы, когда издевательство над товарищем доводило его до обморочного состояния.[...]

В непосредственной связи с цуком или, вернее, его проявлением находится вопрос об отношении кадет к усилиям их воспитателей установить в корпусе порядок, обеспечивающий успех педагогической работы. В корпусе существует кадетское «самоуправление», состоящее из так называемого «корнетского комитета», «генерала выпуска» и «ротмистра» [...], причем члены этого «самоуправления» принадлежат, как общее правило, к числу самых недобропорядочных и недостойных кадет.[...] Эта своеобразная организация настойчиво проводит свои домогательства взять в руки не только руководство непосредственной жизнью кадетской массы, но и регулирует отношение кадет к своим воспитателям, преследуя тех своих товарищей, которые чувствуют потребность в духовной близости с тем или другим лицом педагогического персонала. В следствии имеются указания [...], что

кадеты, боясь репрессий со стороны «комитета», обращаются к воспитателю украдкой, прося его не разглашать факта обращения. Деятельность «самоуправления» не ограничивается этим: оно издает приказы по корпусу [...], налагает на кадет взыскания, весьма чувствительные по своим размерам и унижительные по существу, и, наконец, как венец всего, имеет голос при приеме кадет в корпус[...]. Сами же члены «самоуправления» стоят вне воспитательского воздействия и по общему правилу неуязвимы.[...]

Уже самый факт существования кадетского «самоуправления» свидетельствует о полном пренебрежении кадет к авторитету воспитателей и о нежелании их считаться с таковыми.[...] Получается впечатление, что крупные недочеты в корпусе тщательно скрывались, и в этом отношении резко выделяется возмутительный факт, когда вопрос о наличии в корпусе «Клуба самоубийц», два из членов которого покончили собой, был обсужден не только не в обществе педагогического комитета, но даже и не в частных, а директором совместно с кадетами, причем воспитатели не были постановлены в известность о результатах сего совещания. [...]

Полковник Сорокин настаивал на отставке генерала Римского-Корсакова и предании суду наиболее провинившихся сотрудников и преподавателей Крымского корпуса. Вскоре данные рекомендации были реализованы. Правда, все было проведено втихомолку, без оглашения данных проверки. Это позволило в книге «Зарубежная Русская школа» (Париж, 1924) даже не упомянуть про порядки, творящиеся в Крымском кадетском корпусе, про «цук» и «Клуб самоубийц». Здесь говорится следующее:

«Менее удачно размещены Крымский и Донской корпуса. Прежде всего, они, по прибытии в Югославию зимой 1920-1921 годов, не сразу попали на постоянное местожительство. Донскому корпусу пришлось провести более года, а Крымскому даже около двух лет, в Стрнице, недалеко от Марибора, где оба корпуса были размещены в совершенно непригодных для учебных заведений временных деревянных бараках, устроенных еще австрийскими властями для военнопленных. Крайне неблагоприятная обстановка бараков в Стрнице не могла не отражаться вредно на всех сторонах жизни корпусов»¹⁶.

¹⁶ Зарубежная Русская школа. Париж, 1924. С. 30.

А в юбилейном издании, по случаю основания Крымского корпуса даже эта самая общая информация отсутствует¹⁷. Словно не было «цука» и «Клуба самоубийц», а был только добрый генерал – директор корпуса В.В. Римский-Корсаков (в книге помещена его большая фотография), заботящийся об эмигрантском юношестве. Историческая память по истории белой эмиграции не должна была сохранить негативные явления в антибольшевистской среде. Все пороки приписывались только представителям большевистского лагеря. Однако документальные архивные свидетельства показывают, что такие понятия как честь и совесть не являются партийно-политической принадлежностью. Они свойственны конкретным людям в конкретной исторической обстановке, независимо от того, служат они коммунизму или антикоммунизму.

Материал написан при содействии Фонда Фулбрайта, предоставившего возможность для 8-месячной стажировки в Стэнфордском университете США.

Автор благодарит руководство и сотрудников Архива Гувверского института войны, мира и революции за активную поддержку научной работы с документами.

© Андрей Квакин, 2000.

¹⁷ **Крымский кадетский корпус.** Издание Объединения бывших кадет, персонала и служащих Крымского кадетского корпуса. Новый Сад (Югославия). 1929.